

СПЕЦИФИКА ОБЩЕРОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОСТИ

Традиционно проблемы вариативности развития российского общества интересовали и волновали интеллектуальную элиту страны и республики. Свои проекты необходимых и желательных социальных трансформаций выносили на суд общественности политики и ученые, писатели и государственные деятели, представители самых различных по своей идейной направленности организаций, союзов и движений. Следует признать, что именно последнее десятилетие в истории нашего государства стало необычайно плодотворным в аспекте концептуально-методологического осмысления его настоящего и будущего, а формируемый идейный потенциал особенно ценен тем, что многие теоретические предложения обладают уникальной возможностью апробации в социально-политической практике российского федерализма.

Сказанное, однако, не означает, что политологические схемы стали доминировать при выборе вектора социального движения и прогноза результатов принимаемых решений. Политический процесс последних лет в значительной мере продолжал базироваться на фундаменте исторических традиций и особенностей предшествующего этапа развития государства, оказывая влияние на всю совокупность субъектов политических взаимодействий, носителей и институтов власти. Период, прошедший после развала СССР, – слишком ограниченный срок, чтобы общество освоило демократические принципы в качестве императива существования. Поэтому до сих пор субъекты политических отношений во многом продолжают действовать на основе тех ролей и функций, которые были заданы детерминантами прошлого. Соответственно и социальные переменные “ушедших поколений” (по К. Марксу) – ментальность, этническая и социокультурная составляющие, обычаи и традиции, – продолжают определять специфику поведения субъектов власти в современном политическом процессе.

Любые российские модернизации практически всегда носили преимущественно не эволюционный, а насильственный и мобилизационный характер, что с неизбежностью воспроизводило и продолжает воспроизводить неорганичность и непропорциональность некоторых общественных трансформаций. Эти процессы не завершены и сегодня. Более того, социализация, осуществление нововведений в направлении выработки механизмов достижения общественного и гражданского согласия, социального и политического партнерства, соблюдения демократических прав при принятии решений во властных вертикалях идут крайне медленно, противоречиво и дискретно. Поэтому отнюдь не случайно в стране “в новом издании” продолжают формироваться и сохраняются традиции авторитарного давления государства на личность и общество, прослеживается раскол в его духовной и политической культуре, проявляется нетерпимое отношение к инакомыслию и инакодействию (Жеребкин, 2000).

Вертикальные, иерархические отношения доминируют над горизонтальными, территориальными, обыденными и воспроизводят их по своей матрице. По сути, на постсоветском политическом пространстве продолжают господствовать принципы ушедшей эпохи, а само это пространство продолжает оставаться статусно дифференцированным и фрагментированным. Причем ранг и статус каждой социальной ячейки (будь то территория, политическое или гражданское сообщество) изначально заданы ее положением в административной иерархии и выражается в пространстве размером, как своеобразным статусным признаком. В России и сегодня нужно говорить об институциональной неразделенности власти и высоком уровне ее монополизации. Естественным следствием ее выступает затрудненность появления и укрепления демократических традиций в политическом процессе.

Получается, что вертикальные (административные) связи сильнее и важнее горизонтальных. Властно-административная дифференциация продолжает носить определяющий и всеобъемлющий характер, а формируемое ею статусное место в политико-правовом пространстве практически всегда становится самоцелью существования партий, движений, административных структур. В этих условиях политический процесс характеризуется избыточно доминантной ролью политики, которая пронизывает все сферы общества. Механизмы саморегуляции либо не запущены, либо действуют в ограниченном объеме. Как подчеркивают некоторые исследователи, характеризуя нынешнее состояние России, государство и формирующееся гражданское общество “пространственно невменяемо”, адекватное пространственное самописание и рефлексия отсутствуют (Каганский, 1993, 1994).

Не случайно в последние годы актуализируются уже существовавшие ранее противоречия, проблемы и конфликты, но почти нет признаков становления каких-либо новых автономных политических образований – партий в цивилизационном смысле слова или общественного мнения, способных адекватно воздействовать на направления и динамику политического процесса. Важнейшая особенность российского (а по сути своей, – советского) политического пространства – это универсальность властно-силовых отношений, пронизанность ими всех хозяйственных, партийных, этнических, социальных и др. структур. В России ускоренными темпами формируется централистское государство и его единая территориальная структура; любые другие автономные, имманентно присущие демократическому способу организации социума структуры отсутствуют или существуют в превращенном виде.

В этих условиях Президент России и его администрация в текущем году предприняли очередные шаги в аспекте стратегии укрепления вертикали власти. Эти действия оказались настолько значимыми, что многие политики заговорили о “повороте” политического процес-

са. Речь идет о серии показательных инициатив во внутренней и внешней политике, которые существенно корректируют восприятие политического руководства России в элитах и общественном мнении. Наиболее очевидными из них стали: закрепление курса на политическую реинтеграцию “партии власти”; фактическое оформление союза с бизнес-элитой по вопросам экономической реформы и госстроительства; утверждение в отношениях с США атмосферы диалога и др.

Однако это “новое качество” в политике Кремля не нужно воспринимать как смену стратегических ориентиров. Речь, скорее, идет (по определению Центра стратегических разработок) о смещении акцентов, связанных с переходом от выстраивания “жесткой вертикали” к этапу “большой реформы”. На передний план выходит модернизационная составляющая преобразований экономики и государства. Новый шаг к дальнейшему укреплению российской государственности был сделан после заявления о подготовке административной реформы с целью трансформации госаппарата: создании “нейтральной” бюрократии веберовского типа, что позволит покончить с неспособностью государства подчинять госслужащих своим интересам. Очевидно, что административная реформа неизбежно столкнется с большими трудностями, поскольку затрагивает интересы бюрократической элиты.

Не случайны, по-видимому, и те перемены, которые происходят во взаимоотношениях Кремля с различными отрядами элит: региональные элиты и элита бизнеса начинают меняться местами в отношении близости (востребованности) к Президенту. Наметилась тенденция некоего “статусного переворота”: политические возможности большого бизнеса возрастают*, а губернаторов – снижаются. Взаимодействие федерального центра с региональными лидерами продолжают развиваться по логике реформы федеративных отношений, начатой в 2000г. Сейчас реформа вступила в самый ответственный этап, – начата работа по разграничению полномочий и предметов ведения между Центром и регионами. Его основная цель – создание правовой основы разграничения полномочий между различными уровнями власти и выработка эффективного механизма ответственности за выполнение функций, возложенных на бюрократию. Идеология трансформаций предусматривает их увязку с реформой межбюджетных отношений, которая предусматривает изменение соотношения федеральных и местных налогов и превращение федерального казначейства в основной канал финансовых потоков из Центра в регионы.

Программа межбюджетного федерализма делает возможным фактическое введение внешнего управления. Допускается временное ограничение налогово-бюджетных полномочий регионов. Другими словами, достаточно определенно прослеживается линия Центра на свертывание конституционно-договорной формы федерализма. Администрация Президента РФ однозначно демонстрирует стремление ликвидировать систему договоров

* Союз с бизнес-элитой обусловлен: а) заинтересованностью крупного бизнеса в успехе либеральных экономических реформ и реинтеграции государства на технологической основе; его органической нужде в единстве экономического и правового пространства страны, ликвидации административных барьеров и бюрократического давления на предприятия; б) только крупные бизнес-структуры можно считать продуктами рыночной трансформации; в) “ставка на крупное” упрощает политический контроль государства над рыночной системой.

между Центром и регионами и в связи с этим несколько искусственно абсолютизирует примат равенства субъектов Федерации. Федеральные власти стремятся нивелировать фактор объективных межрегиональных различий социально-экономического и национального характера, который и выступает теоретико-методологической базой для “индивидуального” разграничения полномочий через договоры. Ситуативным решением снятия возникших разногласий по разграничению полномочий и предметов ведения может стать специальный орган представительства интересов республик в федеральном центре.

Сохраняется стратегическая тенденция на централизацию российского государства, укрепление моноцентрической системы, сосредоточение функции политического контроля в федеральном центре. Поэтому отношения между Центром и регионами в результате принимаемых действий стали более противоречивыми. Есть все основания считать, что современная Россия во многом продолжает функционировать как имперское государство, о чем свидетельствуют фактическое отсутствие контроля за действиями Центра, патерналистская система отношений “метрополия – провинция” с принципом подчиненности в административных, бюджетных, налоговых отношениях. Однако история доказала, что имперские принципы политического, социального и экономического управления жизнеспособны лишь в ограниченно заданной, жестко организованной системе координат. Существовать такое государство может лишь в условиях авторитарного режима. Появление же и укрепление демократических переменных с неизбежностью ведет к дезорганизации системы и, в конечном счете, к ее распаду.

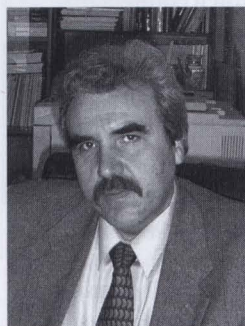
Поэтому с точки зрения исторической перспективы Россия (даже при условии временных отхождений от общечивилизационной парадигмы на укрепление демократии) обречена на демократическую, федеративную форму государственного устройства. Иного не дано. Любые другие решения, как бы заманчиво они не выглядели (и, казалось бы, ни были направлены на сохранение и укрепление единства России), дадут противоположный результат, – будут усиливать сепаратистские настроения и общие тенденции дезинтеграции общества и государства.

Литература

Бунин И., Зудин А., Макаркин А., Макаренко М. Второй этап президента Путина. http://www.politcom.ru/p_pr.php#label8

Жеребкин М.В. *Политический процесс в современной России*. М.: ЗАО «Человек & Карьера». 2000. 335-351.

Каганский В.Л. Административно-территориальное деление: логика системы и противоречия в ней. *Изв. РАН. Сер. География*, № 4. 1993. *Теоретическая география советского пространства*. 1994.

Георгий Анатольевич Исаев
кандидат философских наук, помощник председателя Государственного Совета РТ по политическим вопросам. Область научных интересов – проблемы федерализма и российского политического процесса, межнациональные отношения, вопросы изучения и формирования общественного мнения. Автор 3 книг и более 50 научных и методических публикаций.